

Граффити на стенах домов – признак болезни общества, порождающей безразличие к архитектуре. Толерантное отношение к граффити приводит к деградации городской среды. Попытки «приручить» райтеров малоэффективны.
 Ключевые слова: архитектура; граффити; деградация городской среды. /

Graffiti on the walls of houses is a symptom of the society's disease, which causes indifference towards architecture. Tolerance towards graffiti leads to degradation of urban environment. The attempts to 'tame' graffiti artists are ineffective.
 Keywords: architecture; graffiti; degradation of urban environment.

Граффити и архитектура / Graffiti and Architecture

текст
 Елена Багина /
 text
 Elena Bagina

«О времена, о нравы...»

Марк Туллий Цицерон

Можно беспристрастно анализировать граффити как явление городской жизни. Можно искать в море рисунков, покрывающих стены домов, талантливые. Можно объявить несравненным шедевром любое изображение на стенах (критерии, благодаря трудам современных искусствоведов, отсутствуют). Можно написать остроумное обоснование своего положительного мнения о стрит-арте и опубликовать его. Возможно, после ряда подобных пу-

бликаций автора пригласят стать куратором Берлинского музея граффити, на стенах которого регулярно появляются изображения, с архитектурой дома, в котором расположен музей, никак не согласующиеся.

Рассогласование архитектуры и граффити – принципиальная позиция. Архитектура для граффитистов (райтеров) и искусствоведов, их поощряющих, ценностью не является. Для них фасады домов – поверхность, на которой можно нечто изобразить и послать, таким образом, свой «месседж» обществу – неважно, какой. Но если архитектура не является ценностью – значит, что-то неладно в самой архитектуре. Не случайно первые граффити появились в 70-х годах прошлого века в тоннелях нью-йоркского метро, облик которых был тосклив и непригляден.

Вряд ли кому-то пришло бы в голову покрывать граффити тоннели и стены станций московского или петербургского метрополитена: они проектировались мастерами (И. Фомин, А. Щусев, А. Душкин и др.) и выглядят до сих пор, как дворцы. В СССР в 70-е годы, кроме неприличных слов на заборах и неухоженных фасадах исторических домов, никто ничего не писал и не рисовал. Надписи из трех или пяти букв никто даже в кошмарном сне не называл искусством. Отцы пороли ремнем мальчишек, написавших на стене неприличное слово. Юных райтеров ремнем не порют, им даже пальчиком не грозят. Если бы родителей юных вандалов штрафовали на существенную сумму, вот тогда расшвырявшие папаша взяли бы за ремень. Но опять же опасно: нерадивого дитя могут изъять из семьи, в которой практикуется домашнее насилие...

У юных стрит-артистов свое сообщество, где доблестью считается разукрасить своими метками как можно больше домов. Они иногда конфликтуют, и тогда изображение, которое оставил «враг», перечеркивается, а рядом малютка что-то свое. Там, где расписался один – тут же остаются свои автографы другие.

В 1974 году в Сент-Луисе (штат Миссури, США) был взорван жилой комплекс, Приют-Айгоу (арх. Минору Ямаками). С легкой руки Чарльза Дженкса о нем узнали архитекторы всего мира (книгу «Язык архитектуры постмодернизма» зачитывали до дыр), но никаких

уроков из этого события не извлекли. Все общественные пространства 33 жилых домов в Приют-Айгоу были загажены и покрыты граффити. Так жители выражали свое отношение к бессмысленной архитектуре и своей не менее бессмысленной жизни в этих коробках. А сколько подобных жилых комплексов по всему миру? И они продолжают множиться. Жители таких гетто, как животные, ставят свои метки где вздумается, таким образом заявляя о себе. Больше им предъявить миру нечего. Тем, кому не нравится подобное «творчество», предлагается быть толерантными. Куда такая толерантность приведет – несложно догадаться. Весь центр Неаполя, к примеру, покрыт граффити и мусором... Туристы фотографируют с наиболее одиозными изображениями. Старинные дома в коросте граффити не видны. Кое-где появляются злобные надписи арабской вязью... Однако в арабских странах граффити на стенах домов вы не встретите. Может быть, мусульманский запрет изображать людей и животных причиной, а может быть и что-то иное.

В российских городах, где застройка исторических центров давно требует ремонта и дома XIX и XX веков умирают, дряхлеющие строения покрываются граффити стремительно. Райтеры, подобно падальщикам, чувствуют запах тлена.

Граффити на домах, как сыпь на коже, – признак болезни. Один из симптомов этой болезни – равнодушие к архитектуре. Больно видеть граффити на brutальных кирпичных стенах построек Владимира Павлова в Иркутске. Исписан и изрисован дом-корабль, дом на Российской, выходящий на набережную, и другие постройки. Предположим, граждане не понимают советский модернизм и протестуют таким образом. Но ведь и конструктивизм они не щадят, и сталинский ампир не жалуют!

Граффитистов в разных странах пытались приручить. Один из способов приручения – выделить особые пространства в городе, где каждый, кто считает себя стрит-артистом, может рисовать все, что угодно. (Своеобразные филиалы сумасшедших домов, где практикуют арт-терапию). Но рисовать в разрешенных местах райтерам неинтересно: нет риска, нет адреналина.

Запреты и штрафы тоже мало помогают. Может быть, штрафы маленькие и запреты не столь строгие? Но чем

строже запреты и выше штрафы, тем больше азарта у тех, кто ставит свои метки на домах.

В ухоженных городских районах граффити меньше. Почти нет их, например, в уютном историческом центре Таллинна, нет их и в центре Праги. Нет в 130-м квартале Иркутска. А в центре Екатеринбурга – огромное количество.

Еще одна беда, порожденная благодушным отношением к стрит-арту – официально разрешенный «mural art». Огромные портреты ученых, писателей, космонавтов, царей и героев появляются на торцах домов. Создаются такие шедевры за 2–3 дня. Их творцы с детсадовской наивностью считают, что, разрисовывая торцы домов не соразмерными архитектуре изображениями, они служат делу просвещения темного народа и украшают город. Городские власти идут на поводу искусствоведов из ГЦСИ и позволяют творить самодеятельным «художникам». В результате все дома, расположенные рядом, убиты дурно нарисованными гигантскими «портретами». На углу улиц Малышева и Хохрякова в центре Екатеринбурга, на торце дома, созданного Моисеем Гинзбургом и Александром Пастернаком, красуется изображение Гагарина. Если бы Киса Воробьянинов из бессмертного романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «12 стульев» попрактиковался в монументальной живописи чуть дольше – сделал бы лучше.

«О времена, о нравы...», – хочется сказать вслед за Цицероном.

